

почувствовала во всемъ тѣлѣ какую-то невыразимую теплоту и душевную радость и сразу встала на ноги, начала робко переступать и тутъ же убѣдилась въ совершенномъ исцѣленіи. По окончаніи молебна, дочь совершенно свободно взшла по ступенькамъ и приложилась къ святымъ мощамъ святителя и чудотворца Іоасафа, держа въ рукахъ оба костыля. При видѣ такого чуда милости Божіей, всѣ присутствующіе прославили Бога и Его великаго угодника. Костыли дочь Ольга положила, оставивъ у раки святителя—цѣлителя, какъ свидѣтелей совершившагося чуда милости Божіей.

Все рассказанное свидѣтельствую присягою предъ святымъ крестомъ и евангеліемъ Спасителя нашего Іисуса Христа.

Къ сему заявленію Орловскій мѣщанинъ Александръ Ильичъ Анисимовъ.

Къ сему заявленію Ольга Анисимова.

Свидѣтели, очевидцы исцѣленія: Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда, села Жерина крестьяне: Козьма Сенютинъ, Платонъ Сенютинъ и Тихонъ Жуковъ показали, что всѣ они прибыли въ Бѣлгородъ съ цѣлью пріобрѣсти для сельскаго храма икону святителя Іоасафа и утромъ молились у раки святителя въ монастырѣ. при этомъ видѣли, какъ мѣщанинъ Онисимовъ привелъ къ мощамъ больную, ползущую на двухъ костыляхъ дѣвочку, какъ она потомъ стояла или почти лежала, опершись на двухъ костыляхъ, и молилась со слезами и какъ внезапно встала на обѣ ноги и пошла прикладываясь къ мощамъ святителя никѣмъ не поддерживаемая, имѣя въ рукахъ два костыля. 1912 года января 21 дня.

VI.

„САМОДЕРЖАВІЕ“.

*„Живъ Господь Богъ Израилевъ,
живы и души наши“.*

Антихристъ, по объясненію толковниковъ св. Писанія, долженъ придти во время безначалія на землѣ, а до тѣхъ поръ онъ еще дѣйствуетъ чрезъ предтечѣй своихъ. Сперва онъ дѣйствовалъ чрезъ разныхъ еретиковъ, а нынѣ чрезъ нигилистовъ сталъ дѣйствовать нагло и грубо паче мѣры. Они проповѣдуютъ чуждый гласъ (Іоан. X, 5): будете,

яко бози (Быт. Ш, 5). „Поставьте“ говорят они, „закономъ своихъ дѣйствій волю свою, и вы будете независимы, получите разумѣніе высшее и величіе превосходное. Будете, яко бози,—говорилъ нѣкогда змѣй въ раю Адаму и Евѣ, и праотцы, забывъ повелѣніе Господне, преклонили слухъ свой къ преступному внушенію. Не тотъ-же ли лестчій гласъ возбуждаетъ и нынѣ въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ мысли о ложной свободѣ и безначаліи?!

Всевышній, владѣя царствами и племенами земными, даруетъ надъ ними господство, ему-же хочетъ (Дан. V, 21), возноситъ избраннаго отъ среды подобныхъ ему, требуетъ отъ всякой души повиновенія властямъ предержащимъ (Рим. XIII, 1), такъ какъ имъ дается сила и держава отъ Господа (Прем. VI, 3) для спокойствія и благоденствія народовъ. Единъ есть Господь и законоположникъ,—одна власть и одно Богочаліе надъ всѣмъ. Это единоначаліе—источникъ всякой премудрости, благодати и благочинія, простираясь на всѣ, отъ благодати Божіей получившія начало, твари, безъ произволенія ихъ, дано только одному человѣку. Ибо божественный Моисей, въ описаніи происхожденія міра, изъ устъ Божіихъ ишедшее приводитъ слово: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію“ (Быт. I, 26). Отсюда учрежденіе между людьми всякаго начальства и власти. На основаніи сего св. Отцы учатъ, что земной Царь долженъ управлять самодержавно и неограниченно, какъ помазанникъ и избранникъ Божій; и если-бы не управляла всѣмъ воля одного, то ни въ чемъ не было-бы строя и порядка и не на добро бы это было: ибо разнволеніе разрушаетъ все, а потому управленія конституціонныя, при ограниченіи самодержавной власти, и республиканскія представляютъ измышленіе людей, забывшихъ законъ Божій, и такія правленія безусловно съ Божественнымъ закономъ не согласны. (Твор. Θεодора Студита 102 и друг. писателей древности). Ибо даже и церковныя каноны именуютъ царей благочестивѣйшими и самодержцами. (Карфаг. Соб. 104 прав.).

Не силитея-ли врагъ исконый (Іоан. VIII, 44) поколебать непререкаемую эту истину въ самомъ ея основаніи? Не заставляеть-ли почитать законное правленіе игомъ чуждымъ, и малѣйшее отреченіе для пользы общей дѣломъ тяжкимъ? Не влечеть-ли къ неповиновенію и крамоламъ, вошія неразумнымъ: „свергните иго, васъ тяготящее: вы можете быть независимы, управляться своими законами, составлять свое отдѣльное царство: будете, яко бози?“

Намъ, послѣдователямъ Христа, должно во всеуслышаніе всего міра взывать такимъ обольстителемъ, предтечамъ антихриста: „идите отъ насъ (Лук. IV, 8), мы боимся Бога и чтимъ Царя (1 Петр. II, 17), какъ Помазанника Божія; намъ ли попирать законъ Его, когда все желаніе сердца Царева устремлено только къ тому, чтобы подъ мирнымъ Его кровомъ проводили люди тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. II, 2)!? Не должно-ли намъ избличать всякаго обольстителя твердымъ увѣреніемъ, что знаемъ иного Царя, кромѣ Небеснаго, и поставленнаго отъ Него Царя земного! Пусть враги Божіи и Царевы уразумѣютъ и убѣдятся въ своемъ заблужденіи! . . . Нѣтъ, все революціонеры и анархисты требуютъ свободы только для себя, а кто съ ними не согласенъ, того они всячески преслѣдуютъ и даже убиваютъ, а больше всего кричатъ о свободѣ.

„Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть“ (Рим. 13, I).

Откуда власть на землѣ!—Оттуда-же, откуда и на небѣ, гдѣ легіоны ангеловъ творять волю Владыки вселенной. У небожителей есть и Власти, и Престолы, и Начала и архангелы, начальствующіе надъ ангелами.

„Нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія-же власти отъ Бога учинены суть; противляйся власти, Божію повелѣнію противляется“ (Римл. 13, 1—2). „Мною Царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду“. Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ“ (Дѣян. 4, 14). „Будите покорни Царю, какъ Верховной Власти: Бога бойтесь, Царя чтите“. (1 Петр. 2, 17).

Въ Царскомъ Самодержавіи православный русскій человѣкъ видитъ какъ-бы отраженіе Божія Вседержительства: „одинъ Царь на землѣ“, говоритъ онъ, „какъ одинъ Богъ на небѣ“. Богъ по образу Своего Вседержительства поставилъ Царя Самодержавнаго; по образу Своего царства, непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка,—Царя наслѣдственнаго (Филаретъ Митр. Москов.) „Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ“, вѣщаетъ Богъ о Царѣ: „елеемъ Моимъ святымъ помазахъ Его“. „Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ“ (Псал. 114, 15). „Ибо касайся ихъ, яко касайся въ зѣницу ока Господня“ (Зах. 2, 8). „Сердце Царево въ руцѣ Божіей“ (Пр. 21, 1) говоритъ Писаніе, и какой-же безбожникъ посмѣетъ Царю, Божію Помазан-

нику, не довѣрять? Кто посмѣетъ говорить противъ даннаго Ему Самимъ Господомъ Богомъ неограниченнаго полномочія? „Гдѣ слова Царя, тамъ власть“, глаголетъ Духъ Святой, „и кто скажетъ Ему: что ты дѣлаешь?“ (Эккл. 8, 4). Не будь власти, не будетъ порядка; не будь порядка, произойдетъ смятеніе, разстройство вездѣ: въ государственной, въ общественной и семейной жизни. Произойдутъ ссоры, брани, раздѣленія, грабежи и убійства, захватъ чужой собственности, и не будетъ ниоткуда защиты. Откажись законная власть отъ своихъ правъ,—на ея мѣсто станетъ власть незаконная. Полнаго безначалія быть не можетъ. Не будь законной власти, будетъ начальствовать тотъ, кто сильнѣе, кто наглѣе, кто похитрѣе другихъ. Даже и тамъ, гдѣ попираются всѣ нравственные законы, существованіе власти признается необходимымъ: и у шайки разбойниковъ есть атаманы, у крамолы есть распорядительные комитеты и исполнительныя власти; даже и въ аду есть власть. Если-же въ царствѣ безпорядка необходима власть, то не тѣмъ-ли болѣе она нужна среди святыхъ, у людей чести и порядка? Не много нужно здраваго смысла, чтобы понять, что власть необходима прежде всего для защиты правъ, свободы и имущества гражданъ. Не будь этой законной защиты со стороны власти, каждому гражданину пришлось бы самому защищать себя. Отсюда произошли-бы междоусобная брань и раздѣленія. „А всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ“ (Лук. II, 17). Необходимость власти для страны сознаетъ и самъ народъ, а потому, когда нѣтъ у него начальствующаго, то выбираетъ такового изъ среды своей или призываетъ властителя изъ другой страны. „Земли у насъ много, но порядка въ ней нѣтъ,—говорили русскіе послы варяжскимъ князьямъ: „прійдите и княжите надъ нами“. Если обратимся къ свидѣтельству исторіи, то найдемъ тамъ, что царская власть почти всегда находила для себя опору въ религіи, и въ то-же время она сама являлась охранительницей религіи.

Въ частности, на долю монархическаго Самодержавія выпалъ счастливый жребій сдѣлать христіанство господствующей религіей, а православіе господствующимъ исповѣданіемъ въ странѣ. Въ лицѣ императора Константина Великаго монархическому самодержавію дана честь освободить христіанство отъ трех-вѣковыхъ гоненій на него со стороны язычества и даровать миръ церкви. А въ лицѣ русскаго великаго князя Владиміра единодержавіе даровало темной языческой Руси свѣтъ православнаго христіанства, а съ христіанствомъ пришелъ и свѣтъ науки. Но вслѣдъ за тѣмъ междоусобица

русскихъ князей дала памятный урокъ, сколько гибельно бываетъ многовластіе безъ верховной, объединяющей власти. Многовластіе князей ввергло Русь въ безчисленныя бѣдствія, возложило на нее монгольское иго и задержало ростъ Россіи на двѣсти лѣтъ. Единодержавію и самодержавію принадлежитъ честь собиранія Руси во единое цѣлое. Грозень былъ Іоаннъ, первый царь всея Руси, но онъ крѣпко держалъ бразды правленія, преградивши всякій путь крамолѣ. Онъ допустилъ зло, но спасъ Русь отъ зла злѣйшаго. Послѣ самодержавія и единодержавія перваго императора—Преобразователя, Россія пошла впередъ широкими и быстрыми шагами. Не единодержавіе-ли поставило ее въ рядъ первѣйшихъ государствъ всей земли, расширивъ предѣлы ея отъ Днѣпра до Амура и сдѣлавши границами ея моря и океаны!

Неисчислимо много добра принесено на Руси православіемъ съ единодержавіемъ. Будемъ дорожить этими источниками добра. Будемъ хранить эти сокровища. Вѣдь, отъ добра добра не ищутъ.

Подведемъ итогъ сказаннаго. Власть есть міровой законъ. Она—установленіе божественное. Попытка низвергнуть власть была-бы безумною, попыткой вступить въ борьбу съ неизмѣннымъ закономъ бытія. Противленіе власти есть противленіе Богу. Власть есть противница зла и поборница добра. Стремленіе къ уничтоженію власти есть желаніе воцарить зло и поработить ему добро. Для Россіи наилучшій видъ власти есть испоконъ вѣковъ единодержавіе и самодержавіе, живущія нераздѣльно съ православіемъ. Этотъ видъ власти осчастливилъ Россію, возвеличилъ ее (Архіепископъ Макарій Томскій). Но революціонеры, убѣдившись, что русскій народъ безъ обожаемаго Монарха жить не можетъ,—выдумали вновь дерзко и кощунственно оскорблять Всероссійскаго Самодержца якобы нынѣ Онъ Монархъ конституціонный, съ ограниченными правами. Нѣтъ, это ложь и обманъ съ ихъ стороны,—быть этого не можетъ!

Привожу въ доказательство основательное разъясненіе по поводу власти Русскаго Царя, разъясненіе И. Г. Айвазова: „Въ широкихъ кругахъ нашего интеллигентнаго общества, гдѣ зародилась и растетъ чуждая духу русскаго народа борьба за власть, уже достаточно укоренилось одно большое недоразумѣніе, что Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1906 года „Основными Государственными законами“ власть Русскаго Монарха признана якобы ограниченной.

Съ жаромъ, достойнымъ лучшей доли, конституціоналисты разныхъ фракцій утверждаютъ: „въ прежнихъ „Основныхъ законахъ“ Императоръ

Россійскій являлся съ властью верховной, самодержавной и неограниченной (ст. 1-я); теперь же по новымъ „Основнымъ законамъ“, ему принадлежитъ власть только верховная и самодержавная (ст. 4-я). Неограниченность перестала быть свойствомъ власти Русскаго Монарха, почему Русскій Монархъ и является ограниченнымъ“.

Сдѣлавъ такое заключеніе, наши конституціоналисты поспѣшили привѣтствовать Русскаго царя крикомъ: „ура, конституціонный Монархъ!“ . . . Но, къ немалому ихъ удивленію и горькому разочарованію, доселѣ отвѣта на это привѣтствіе все еще нѣтъ. . . Да его и не можетъ быть, потому что на Руси конституціоннаго Монарха доселѣ нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли заключать объ ограниченности власти Русскаго Монарха изъ того, что въ 4-й ст. новыхъ „Основныхъ законовъ“, соотвѣтствующей ст. 1-й прежнихъ, опущено слово „неограниченный?“ Нѣтъ! И это вотъ почему: слово — „неограниченный“ появилось у насъ впервые только въ самомъ концѣ 18-го столѣтія, въ „Учрежденіи Императорской фамилии“ 1797 г. 5 апрѣля (П. С. З., № 17906, § 71, стр. 535). Доселѣ мы его не находимъ въ другомъ какомъ-либо актѣ даже изъ послужившихъ законодательнымъ источникомъ для нашихъ „Основныхъ законовъ“. Но кто же на этомъ основаніи станетъ утверждать, что власть Русскихъ Царей и Царицъ до 5 апрѣля 1797 г. была ограниченной?!

Иеромонахъ Серафимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

VI.

„САМОДЕРЖАВІЕ“*).

(Продолженіе).

Уже Іоаннъ Грозный признавалъ, что въ рукахъ Русскаго Царя сосредоточена вся полнота государственной власти. Только эту полноту власти онъ характеризовалъ инымъ словомъ — „самодержавіе“: „како и самодержецъ наречется, когда не самъ строитъ? замѣчаетъ царь Грозный кн. Курбскому. Въ воин. артикулѣ 1716 г. и морскомъ уставѣ 1720 года та-же полнота власти характеризуется уже другимъ словомъ „самовластіе“. Въ этихъ актахъ, бывшихъ источниками для 1 ст. прежнихъ „Основныхъ законовъ“, читаемъ слѣдующее: „Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта давать не долженъ, но силу и власть имѣеть свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомѣшню управлять“. Въ манифестѣ Анны Іоанновны 1730 года, въ которомъ она защищала всю полноту своей государственной власти отъ попытокъ верховниковъ ограничить ее, мы встрѣчаемся уже со словомъ; „самодержавство“, которымъ она точно обозначала неограниченность своей власти въ Русской Имперіи. Екатерининскій наказъ также пользуется словомъ „самодержавный“ для обозначенія всей полноты власти, принадлежащей Русскому Государю въ имперіи (ст. 9-я).

Понятно, что слово: „неограниченный“, появившееся впервые въ „Учрежденіи Императорской фамиліи“ 1797 г. (какъ мы уже указывали, терминъ, „неограниченный“, въ „Учрежденіи Императорской фамиліи“ сохраненъ. См. ст. 222 вновь изданныхъ, послѣ манифеста 17 октября, „Основныхъ законовъ“) рѣшительно ничего новаго не внесло въ существо власти Русскаго Царя, полнота которой до того уже точно обозначалась словомъ: „самодержавный“, какъ наболѣе употребительнымъ и знакомымъ русской церковной старинѣ. Русскіе церковные люди, а такими были и цари, особенно въ до-Петровское время, хорошо знали, что и церковные каноны именуютъ царей „благочестивѣйшими самодержцами“.

Достойно вниманія, что и послѣ 1797 года, а также во все время дѣйствія у насъ 1-й ст. прежнихъ „Основныхъ законовъ“ слово — „неограниченный“ совершенно не пользуется популярностью даже въ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ. Въ полной, сокращенной и краткой формѣ титула

*) Смотри „Голосъ Долга“ 1912 г. № 1-й.

русскихъ государей употреблялось всегда одно слово „Самодержецъ“, какъ точно обозначающее существо власти Государя, и ни кто не былъ настолько наивенъ, чтобы толковать въ титулѣ „Самодержца“ ограниченнымъ! . . . И новые „Основн. законы“ сохранили титулъ государей неизмѣннымъ, чѣмъ ясно засвидѣтельствовали неизмѣняемость существа титулованной власти (ст. 59-я). Прежняя и настоящая форма всенародной присяги на вѣрность подданства также говоритъ только о „Самодержцѣ“ всероссійскомъ и о „Высокомъ Его Императорскаго Величества Самодержавствѣ“. Тоже только о „Самодержавіи“ Государя мы читаемъ и въ формахъ присяги для Наслѣдника Престола и для членовъ Императорскаго Дома, оставшихся доселѣ неизмѣнными (см. Прилож. III-е и IV-е въ нов. „Основ. зак.“).

Въ торжественномъ обѣщаніи членовъ Государственной Думы, учрежденной Высочайшимъ Манифестомъ 6 августа 1905 года, т. е. когда даже сами конституціоналисты не признали еще и тѣни конституціоннаго Монарха—въ Россіи, говорится, однако, о вѣрности только „Самодержцу“ всероссійскому (Прилож. къ 13 ст. Учрежд. Госуд. Думы). То-же торжественное обѣщаніе безъ всякаго измѣненія осталось въ полной силѣ и для членовъ Государственной Думы 20 февраля 1907 г. И съ изданіемъ новыхъ „Основныхъ законовъ“ оно неизмѣнено. Сказанное относительно торжественнаго обѣщанія членовъ Государственной Думы вполнѣ примѣнимо и къ формѣ присяги членовъ Государственнаго Совѣта, которые доселѣ неизмѣнно исповѣдуютъ вѣрность только „Самодержцу всероссійскому“.

Ясно, что терминъ „самодержавіе“ всегда понимался въ смыслѣ всей полноты государственной власти, сосредоточенной въ рукахъ Монарха. Всякая мысль о какомъ либо ограниченіи власти Монарха со стороны его подданныхъ чужда понятію „Самодержецъ“. Посему-то и въ самомъ „Учрежденіи Государственной Думы“ 6 августа 1905 года, какъ и въ „Учрежденіи“ той-же Думы 20 февраля 1907 года, а равно и въ „Учрежденіи Государственнаго Совѣта“ всегда говорится только о верховной „самодержавной власти (ст. 1-я), чѣмъ свидѣтельствуется неизмѣняемость существа власти русскаго Монарха.

Что словомъ „самодержавный“ точно обозначается вся полнота Государственной власти, нераздѣльно сосредоточенной въ рукахъ русскихъ Монарховъ,—это какъ нельзя лучше доказывается еще тѣмъ, что и въ прежнихъ „Основн. законахъ“ въ ст. 2-й, гдѣ говорится о наслѣдствѣ Престола женскимъ лицомъ, читаемъ: „та-же верховная самодержавная власть принадлежитъ Государынѣ Императрицѣ“... Здѣсь нѣтъ слова: „неограниченная“,

но, тѣмъ не менѣе власть нашей Императрицы признается „тою-же“, какою ст. 1-я „Основн. законовъ“ признаетъ власть Императора, т. е., верховною, „самодержавною“ и, слѣдовательно, „неограниченною“. Опущеніе во 2-й ст. „Основн. законовъ“ слова „неограниченная“ не сдѣлало власти Императрицы ограниченою, такъ какъ и безъ этого слова выражаемое имъ понятіе о существѣ власти Государыни достаточно исчерпано свойствами „верховная“ и „самодержавная“. И никто на томъ основаніи, что при опредѣленіи власти Государыни въ прежнихъ „Основн. законахъ“ (ст. 2-я) выпущено слово „неограниченная“, не понималъ этой власти въ качествѣ ограниченной, и сама власть проявляла себя также неограниченной.

Мы видѣли, что и сами „Основн. законы“ въ ихъ прежней редакціи не особенно дорожили словомъ „неограниченный“, считая достаточными для обозначенія всей полноты государственной власти русскихъ Монарховъ слова „верховный“ и особенно „самодержавный“. Посему, если въ новыхъ „Основн. законахъ“ опущено въ 4-й ст. слово „неограниченный“, и существо власти русскихъ Монарховъ выражено такими словами, какими и въ прежнихъ „Основн. законахъ“ опредѣлялась власть Императрицы, вслѣдствіе чего ст. 2-я и вошла полностью въ ст. 6-ю новыхъ „Основ. закон.“, то такой точности, чуждой набора однозначущихъ словъ, можно только порадоваться, тѣмъ болѣе, что сохранено слово „самодержавный“, освященное нашей національной и церковной древностью.

„Но въ томъ, откуда слово „неограниченный“ занесено въ подстатейную ссылку ст. 1-й прежнихъ „Основныхъ законовъ“, — т. е. въ „Учрежденіи Императорской фамиліи“, мы и въ новыхъ „Основныхъ законахъ“ попрежнему читаемъ: „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ“ (ст. 222-я нов. Основн. зак.)... Слѣдовательно, здѣсь оставлены, въ уваженіе къ первоначальному акту Павла I-го, два рядомъ стоящія однозначущія слова, при чемъ ими характеризуется власть Монарха въ имперіи, какъ лица „царствующаго“ и „неограниченнаго Самодержца“. Отсюда же вытекаютъ и его права, какъ „главы дома“ Императорскаго. Свойствами его власти въ имперіи обладаетъ и его „главенство“ въ Императорскомъ домѣ. И здѣсь онъ является „неограниченнымъ самодержцемъ“. Такимъ образомъ, стоя на юридической почвѣ, нельзя не признать, что всякія попытки истолковать власть русскаго Монарха и послѣ изданія новыхъ „Основныхъ законовъ“ въ качествѣ ограниченной или конституціонной напрасны. Это походило-бы на то, какъ если-бы кто, пользуясь выраженіемъ новыхъ „Основн. законовъ“ „Государь Императоръ есть верховный руководитель всѣхъ внѣш-

нихъ сношеній Россійскаго государства съ иностранными державами“ (ст. 12-я), или еще: „Государь Императоръ есть державный вождь россійской арміи и флота“ (ст. 14-я), сталь-бы доказывать, что въ томъ и другомъ случаѣ Государь не является самодержавнымъ, потому что ни въ 12-й, ни въ 14-й ст. этого слова нѣтъ, а стоятъ только: „державный“ и „верховный“!... Конечно, даже конституціоналисты усмотрѣли-бы въ данномъ случаѣ своего рода „юридическую эквилибристику“.

Когда въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III-й въ своемъ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г. провозгласилъ: „гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія съ вѣрою въ истину самодержавной власти, которою мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній“,—то даже завзятые конституціоналисты не рѣшались видѣть въ пропускѣ здѣсь слова: „неограниченный“ дачи Россіи конституціи! Но что считалось въ 80-хъ годахъ наивностью,—то теперь выдается за послѣднее слово науки!... Такъ сильно мы шагнули впередъ въ „научномъ отношеніи!“ (Этой исторической справкой И. Г. Айвазовъ безжалостно обличаетъ предательскую и бессильную бюрократическо-интеллигентную интригу. Да, Царь остался, какъ и былъ, самодержавнымъ, то-есть неограниченнымъ самодержцемъ).

И нынѣ Царствующій Императоръ, послѣ всевозможныхъ толковъ о конституціи и введеніи у насъ новаго, „ограниченнаго самодержавія“ (Абсурдъ!), самъ громко заявилъ: „Самодержавіе Мое остается такимъ, какимъ оно было встарь“... „Возложенное на Меня въ Кремлѣ Московскомъ бремя власти Я буду нести Самъ, и увѣренъ, что русскій народъ поможетъ Мнѣ. Во власти Я отдамъ отчетъ предъ Богомъ“...

Иеромонахъ Серафимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наступила полночь на 20 июля, а народъ все стремился вереницами въ Кремль. Для большаго порядка, вечеромъ доступъ въ Кремль былъ открытъ только черезъ Спасскія ворота. Взору представлялась такая картина: послѣдніе ряды широкой народной ленты заканчивались у Иверской часовни: народъ въ двѣ линіи тянулся по Красной площади и по Васильевской площади отъ Москвы-рѣки. Въ Кремль вереница тянулась по панели, мимо памятника. На соборной площадкѣ она переходила въ нѣсколько кривыхъ линій. Не смотря на поздніе часы, паломники терпѣливо ждали своей очереди, которая наступала нѣкоторымъ черезъ 7—8 часовъ. И въ полночь, какъ и днемъ, съ родителями слѣдовали дѣти. Настроеніе богомольцевъ было самое благоговѣйное. Не смотря на страшное стеченіе народа, порядокъ не нарушался: паломники сами поддерживали его. Въ теченіе всей ночи совершалось молебное пѣніе въ соборѣ находившимися тамъ священнослужителями.

Вскорѣ въ Москвѣ начали выясняться чудесныя исцѣленія, по молитвѣ Преп. Серафима, случившіяся въ тѣ дни, когда въ Успенскомъ соборѣ была выставлена мантия Св. Угодника. О чудесныхъ исцѣленіяхъ подробно сообщалось въ печати“ *).

VI.

„САМОДЕРЖАВІЕ“ **).

(Продолженіе).

Вводя манифестомъ 20 февраля 1907 г. новое „Учрежденіе Государственной Думы“ и обновляя тѣмъ-же словомъ Государственный Совѣтъ, Императоръ нисколько не измѣнилъ самаго существа Своей самодержавной власти, а установилъ только „новые пути“, по которымъ дальше будетъ проявляться самодержавная власть Всероссійскихъ Монарховъ въ дѣлахъ законодательства (Высочайш. Маниф. 23 апрѣля 1906 года). Собственною властью, какъ Самодержецъ, намѣтивъ „новые пути“, Государь въ случаѣ надобности, для пользы людей Царства Россійскаго можетъ также собственною властью и упразднить ихъ, или замѣнить другими.

*) Тул. Е. В. 1912 г. № 5.

***) Смотри „Голосъ Долга“ 1912 г. № 2.

По этимъ „новымъ путямъ“, конечно, будетъ итти и Самъ Монархъ, пока они не отмѣнены Имъ. Такъ всегда первыми блюстителями и исполнителями законовъ были у насъ Сами Монархи, отчего Русская Монархія и признавалась всегда „правомѣрной“ (ст. 47-я прежн. Основн. зак.). Но самоограниченіе не уничтожаетъ самодержавства, потому что введено послѣднимъ и имъ можетъ быть отмѣнено. Такъ разсуждалъ еще графъ Сперанскій (о законахъ Сборн. русск. ист. общ., т. XXX, стр. 371-я). Напротивъ, правомѣрностью русской государственной строй отличается отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ (проф. Градовскій, „Начала“, т. I, стр. 3).

Если мы изъ области государственныхъ актовъ перейдемъ въ сферу научныхъ мнѣній, то и тамъ ясно увидимъ, что даже графъ Сперанскій, Романовичъ-Славатинскій и Градовскій, которые старались отыскать какое-либо различіе по содержанію между понятіями „самодержавный“ и „неограниченный“, вынуждены были опредѣлить эти понятія такъ, что они различаются только по внѣшней формѣ изложенія, но совершенно совпадаютъ по содержанію. Сперанскій въ своемъ руководствѣ подъ „самодержавіемъ“, когда оно прилагается къ особѣ Государя, разумѣлъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ безъ всякаго участія и раздѣленія. Понятно, что здѣсь не останется мѣста какой-либо другой власти, которая бы ограничивала власть Монарха. Романовичъ-Славатинскій вторитъ Сперанскому. Градовскій понимаетъ самодержавіе въ томъ смыслѣ, что русской Императоръ не раздѣляетъ своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ, т. е. что каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу независимо отъ согласія другого установленія“. Извѣстный докторъ государственнаго права Н. М. Коркуновъ замѣчаетъ: „слѣдуетъ признать, что понятіе самодержавія объемлетъ собою понятіе неограниченности, въ смыслѣ сосредоточенія въ рукахъ Монарха всей полноты государственной власти. Если „Основные законы“ наряду съ самодержавіемъ упоминаютъ еще и о неограниченности власти, то только для большей ясности“.

Конечно, понятіе „ясности“ условное. Если прежній законодатель нашелъ нужнымъ пояснить, то нынѣшній имѣлъ также Самодержавное право признать поясненіе лишнимъ, тѣмъ болѣе, что понятіе самодержавія дѣйствительно „объемлетъ“ или поглощаетъ собою понятіе неограниченности. Ограниченный самодержецъ—это такой абсурдъ, до котораго можетъ договориться только лишенный здраваго и исторически-юридическаго смысла человѣкъ. И эту безсмыслицу повто-

ряютъ, надѣясь ограничить неограниченную Царскую власть и завладѣть самимъ властью.

Итакъ власть Русскаго Царя попрежнему осталась верховной, самодержавной и неограниченной. Ни единичная, ни коллективная воля поданныхъ Россійской имперіи, не можетъ ни одной іотой ограничить власть Русскаго Монарха. Такого ограниченія не допустить и національный фундаментъ, на которомъ покоится у насъ Царская власть. Русскій народъ не зналъ борьбы за власть. Установленіе единодержавія, говоритъ проф. Сергѣевичъ, было актомъ народной воли. Народъ самъ избралъ для всей Руси одного Государя, и это всенародное избраніе навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государствѣ и единомъ Царѣ. Замѣчательно, что и здѣсь народъ отнюдь не призналъ себя властью, отъ которой зависитъ Царь, а назвалъ Царя „Богомъ избраннымъ“. Дѣйствуетъ Царь также „Божією поспѣшествующею милостью и отчитывается только предъ Богомъ“. Идея народовластія или народоправства, какъ лицемѣрно нелѣпая, выдуманная, чтобы дать вышнимъ сословіямъ незамѣтно держать въ рукахъ народъ, чужда душѣ русскаго народа,—этого „богоносца“. Посему, если самодержавная власть Русскаго Царя въ своемъ происхожденіи и содержаніи поставлена народомъ чрезъ Церковь въ зависимость только отъ Бога, то и Самъ Монархъ не можетъ поставить эту власть въ зависимость отъ чьей-либо другой воли, кромѣ Божьей. Иначе такая власть перестанетъ быть властью Русскаго Царя, такъ-какъ перестанетъ быть отраженіемъ души русскаго патріота.

Иеромонахъ Серафимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

VII.

„Современный апостоль“^{*)}.

(Продолженіе).

Миссіонерская дѣятельность въ Японіи къ этому времени захватывала все большую и большую область. Для приготовленія пастырей устроена была семинарія, открыто было нѣсколько катехизаторскихъ училищъ. Самъ

^{*)} Смори „Голосъ Долга“—1912 г. № 2.

пассажирскій поѣздъ потерпѣлъ крушеніе и много народу погибло. Возблагодаривъ Провидѣніе за спасительный сонъ, я всегда съ умиленіемъ вспоминаю этотъ случай и всёмъ рассказываю во славу Божию“.

VІ.

„САМОДЕРЖАВІЕ“*).

(Окончаніе).

И церковь въ своемъ священномъ обрядѣ вѣнчанія Русскихъ Царей на царство свидѣтельствуесть, что Русскій Монархъ „пріялъ съ небесе къ правленію и правосудію силу и премудрость“, что Его „вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ“, Который и „утверждаетъ“ Ему „владычественную власть надъ людьми Своими“. Посему митрополитъ далѣе читаетъ: „о, Богомъ вѣнчанный, и Богомъ дарованный, и Богомъ преукрашенный, благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! пріими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми Своими Самодержавія къ управленію ихъ, и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія“.

Здѣсь слово: „самодержавіе“ устраняетъ всякую возможность ограниченія власти Государя кѣмъ-либо, кромѣ Бога. Таковъ церковный взглядъ на власть Самодержавнаго Русскаго Царя. И безъ слова: „неограниченный“ Русскій Самодержецъ мыслится церковью съ полнотою государственной власти, нераздѣльно сосредоточенной въ Его рукахъ Богомъ.

Такимъ образомъ, съ законодательной, научно-юридической, историко-національной и церковной точекъ зрѣнія власть Русскаго Царя не потерпѣла доселѣ никакого измѣненія въ своемъ существѣ, попрежнему оставаясь верховной, самодержавной и неограниченной, или просто самодержавной, такъ какъ понятіе „самодержавіе“ содержитъ два другія понятія „верховный и неограниченный“ и болѣе сродно нашей церковно-національной старинѣ.

А если такъ, если это несомнѣнно, то истинно-русскимъ людямъ надлежитъ мужественно работать въ пользу родины подъ сѣнію новыхъ

*) Смот. „Голосъ Долга“, 1912 г. № 3.

„Основныхъ законовъ“, оставивъ праздныя мечты объ ограниченности власти Русскаго Монарха, или упреки въ „реакціонерствѣ“ тѣхъ, кто открыто и сейчасъ стоитъ за неограниченно самодержавіе, т. е. за то, что есть на самомъ дѣлѣ. (И. Айвазовъ).—Ужасно быть измѣнникомъ Царя—Отца Небеснаго,—столь-же ужасно быть измѣнникомъ Царя Отечества! Какъ гражданинъ, измѣнившій Царю своему, который есть образъ и подобіе Божіе на землѣ, не можетъ быть христіаниномъ, такъ и христіанинъ отрекшійся отъ вѣры Господней, не можетъ быть гражданиномъ. Ибо какая вѣрность къ Царю земному отъ того, который измѣнитъ Царю Небесному.

Конституція—это образъ великой современной политической лжи, обмана, эгоизма, властолюбія и коварства; въ парламентъ больше попадаютъ не люди долга и дѣла, а люди честолюбивые, властолюбивые, ищущіе не блага государству, а только своихъ личныхъ интересовъ.

Больно и горько думать, что въ святой Русской землѣ есть люди, сыны діавола, мечтающіе водворить эту діавольскую ложь и обманъ въ православномъ христіанскомъ государствѣ.

Нѣтъ, этого мы, русскіе патріоты, не должны допустить! иначе Богъ на насъ прогнѣвается и осудитъ въ предательской измѣнѣ святой родины! Нельзя допустить, чтобы власть попала въ эти революціонныя, поганыя, обогранныя кровію руки послѣдователей діавола. Послушайте, что вѣщаетъ Духъ Святой чрезъ уста Василія Великаго тѣмъ, кто добивается начальства и власти, чего, конечно, и добиваются революціонеры: „Нимало не должно человѣку домогаться избирательнаго голоса или начальства: ибо—это діавольскій недугъ и проявленіе любоначалія, которое служитъ признакомъ самаго высшаго діавольскаго лукавства. И діаволь сею страстію увлеченъ былъ къ своему весьма извѣстному паденію; и, кѣмъ обладаетъ сія страсть, тотъ болѣзнуетъ наравнѣ съ нимъ. Сверхъ того, страсть сія плѣненныхъ ею дѣлаетъ завистливыми, ревнивыми, обвинителями, безстыдными клеветниками, ласкателями, злокозненными, унижающимися сверхъ должнаго, раболѣпными, высокоумными и исполненными безчисленныхъ смуть. Ибо такой человѣкъ завидуетъ достойнымъ и клеветаетъ на нихъ, а нерѣдко пожелаетъ имъ и смерти, чтобы, при недостаткѣ способныхъ къ дѣлу, голоса дошли и до него. Онъ будетъ ласкательствовать тѣмъ, въ чьей волѣ подать избирательный голосъ, и поэтому сдѣлаться раболѣпнымъ, но будетъ дерзокъ противъ низкихъ, если станутъ противиться, и поэтому начнетъ сплетать козни; у него будутъ тысячи смущеній и подозрѣній, его душевная тишина нарушится, и Богъ мира, не находя мѣста, гдѣ упокоить-

ся, оставить его“. (Твор. Вас. Вел., томъ 5, 350).—Послушайте сей грозный гласъ, несчастные богоотступники—революціонеры, и устрашитесь! Вѣдь, воистину, вы—сыны діавола, и Богъ мира оставилъ васъ, какъ своихъ злѣйшихъ враговъ, предтечей антихриста! . .

Сыны святой Руси! будемъ всеми силами хранить наше дорогое сокровище, Богомъ намъ данное,—Царя батюшку, Самодержца Всероссійскаго. Прочь отъ насъ, крамола, прочь, вражда и злоба! Православіе, самодержавіе и единоедержавіе—вотъ наше святое побѣдоносное знамя, котораго никому не отдадимъ, Богу намъ содѣйствующу. И тогда снова возсіяетъ благоденствіе и величіе Россіи! Помните же: отъ насъ зависитъ счастье Россіи! Не слушайте и не вѣрьте обѣщаніямъ красныхъ измѣнниковъ: они уже обманули васъ,—роzzорили родину, внесли смуту; они—наши палачи, кровопійцы, а не радѣтели земли русской. Одинъ лишь нашъ Царь, избранникъ Божій, Духомъ Святымъ поставленный, дастъ намъ все полезное для нашего благоденствія, но, если въ Думу попадутъ вновь измѣнники Россіи, то мы снова будемъ переживать несчастія.

Вотъ истина, и вотъ святой завѣтъ всемъ сынамъ святой Руси: бросьте распри, ждите добра и правды только отъ Самодержавнаго Царя, а потому въ Думу надо слать лишь людей, любящихъ Царя и родину, а не измѣнниковъ, забывшихъ долгъ присяги. Старайтесь жить со всеми въ мирѣ, сѣйте только доброе, не забывайте церковь и пастырей, удѣляйте каждый праздникъ нѣсколько часовъ для Бога, носите въ своихъ сердцахъ любовь къ Царю,—и Богъ пошлетъ вамъ счастье, и наша дорогая родина снова займетъ высокое положеніе въ средѣ великихъ державъ, къ голосу которой будетъ прислушиваться весь міръ! „Удали неправеднаго отъ Царя,—и престолъ его утвердится правдою“! . . (Прем. Сол. 25, 5).

Иеромонахъ Серафимъ.
